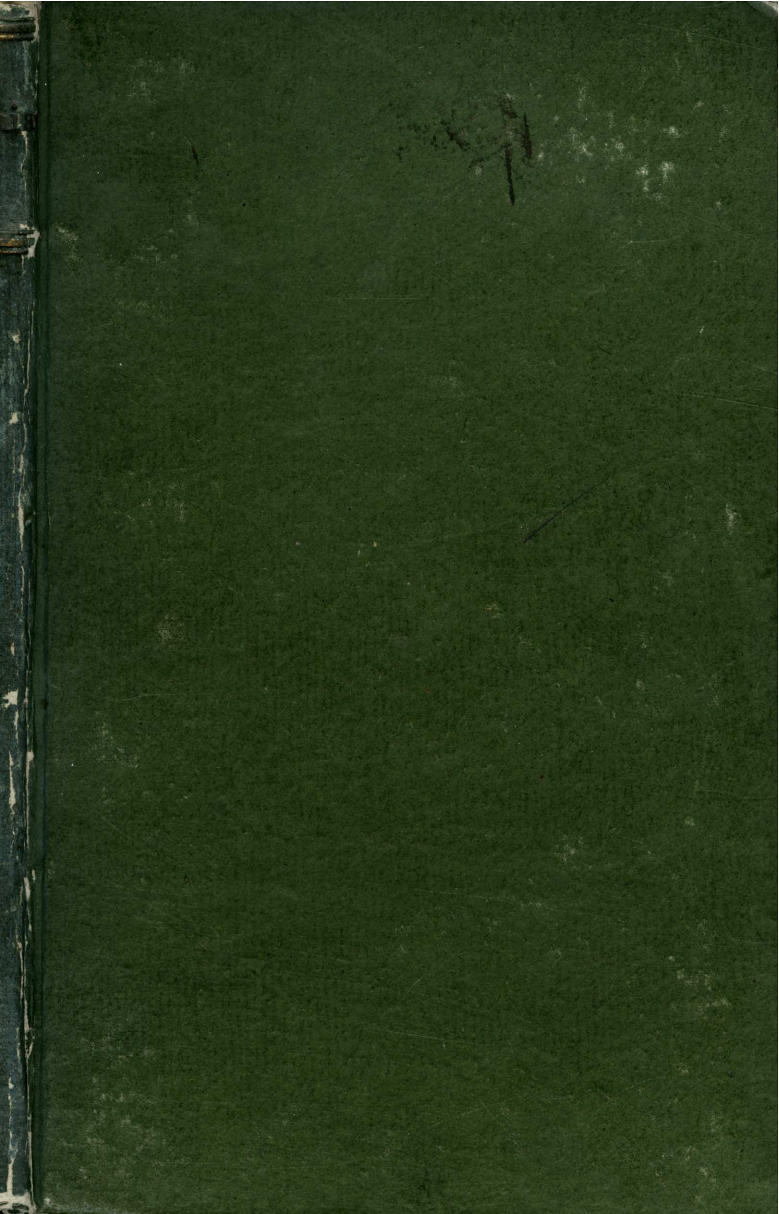

66x

ЮЛІЯ,

или

ЩАСТЛИВОЕ РАСКАЯНІЕ

ПРИМѢЧАНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Добродѣтель меня восхищаетъ, а раскаяніе въ чувствительность приводитъ,

съ

ФРАНЦУЗСКАГО

переведена

К. П. Ц.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1775. года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Государь мой!

Упражненїе мое отъ скуки въ праздное время, употребя къ услугѣ вашей, издаю сїю перевода моего книжку, въ которой сочинитель изобразилъ добродѣтель по многимъ искушенїямъ, паки возвращающуюся въ прежнїе свои силы и превос-

ходное свое состоянїе. Ляжъ наконецъ желаю, чтобъ сїя книжка была вамъ полезною въ скучные ваши часы и наградилабъ тѣмъ за трудъ

Государь мой!

Вашего доброжелательнаго слугу

К. П. Ц.

ЮЛІЯ,

или

ЩАСТЛИВОЕ РАСКАЯНІЕ

ПРИМѢЧАНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Извѣстная Система Лавсова привела многія фамиліи въ паденіе, которыя казались по своему чину, или богатству отъ слѣдствій сей странной перемѣны безопасными. Господинъ Гурвиль съ женою былъ въ числѣ нещастливыхъ жертвъ,

которыя сію эпоху толь противную интересамЪ и добродѣтелямЪ нашего народа своимЪ нещастіемЪ прославили. Они весьма восчувствовали незапную перемѣну нашихЪ нравовЪ; они примѣтили, что никогда люди вЪ цвѣтущемЪ состояніи не были такЪ горды и бѣдные, такЪ утѣснены. Вмѣсто безполезныхЪ жалобЪ, и не представляя печальнаго лица охуждателей правленія, приняли разумное намѣреніе скрыться отЪ взоровЪ, упрекающихЪ новаго рода людей, которые, какЪ бы такЪ сказать, вдругЪ вышли изЪ земли.

ГосподинЪ Гурвиль сЪ своею сѣмьею отъѣхалЪ вЪ сосѣдственное сѣло города отдаленной провинціи. ТамЪ они жили скудными остатками своего имѣнія. Они любили, почитали и утѣшали другЪ друга взаимно; и знали взаимноежЪ себѣ удовольствіе чинить, потому, что добро-

бродѣтель не имѣетъ нужды выходить изъ себя для услажденія чужими позорищами. Они живучи во мракѣ, безсомнѣнія преимущественномъ предъ блескомъ слѣдующимъ роскоши и честолюбію, вкушали сладость, присоединенную къ удовольствію, исполнять свою должность; они въ своихъ объятіяхъ воспитывали сына и дочь, которыхъ первые ужѐ годы показали награжденіе за попеченія родительскія. Сіи два младенца своими поступками предвѣщали, что вступятъ въ слѣды родителей. Юлія [сіе было имя дочери] являла свои прелести, день отъ дня болѣе открывающіяся. Одинъ знатной человѣкъ, другъ господина Гурвиля, случайно зашелъ въ то село, гдѣ жила сія почтенная сѣмья, восхищенъ найденіемъ сего добродѣтельнаго друга: онъ представилъ ему себя къ услугамъ, чтобъ сдѣлать щастливымъ его сына, записавъ въ военную службу. Го-

сподинЪ Гурвиль, хотя былЪ изЪ нѣжнѣйшихЪ отцовЪ; но согласился на предложеніе, польза сыновняя обладала имЪ: онЪ жертвовалЪ самаго себя кЪ возвышенію своего любезнаго сына, которой наконецЪ оставилЪ своихЪ родителей, омытой ихЪ слезами и осыпанной ласками.

Юлія сдѣлалась единственнымЪ предметомЪ ихЪ попеченія: они взирали сЪ удовольствіемЪ на умножающіяся ея прелести. Природа не производила ничего любезнѣе, видЪ наипрелестнѣйшій, острота разума, станЪ превосходной и благородной, чувствительность чрезвычайная: всѣ сіи собранныя преимущества, не подаютЪ еще, какЪ слабое только воображеніе пріятностей Юліи; будучи нѣжно любима отцомЪ и матерью ихЪ взаимно любила.

Можно было бы вѣрить, что такЪ называемое щастіе, есть

духЪ

духЪ непріятный, разоренной кЪ преслѣдованію достоинства кЪ гоненію, и насыщенію себя зрѣлищемЪ юнаго горести и мученія. Оно востало для пораженія Господина Гурвиля новымЪ ударомЪ; онЪ былЪ введенЪ вЪ тяжбу, которая довершила его раззореніе, и погрузила его вЪ ужасность нещастія. МужЪ и жена сносили свои нещастія сЪ твердостію Героическою; но когда обращали глаза на дочь свою, не могли удержать слезЪ; ихЪ сердце раздиралось, и бѣдность ихЪ вседневно умножалась; они отЪ того восчувствовали всю горесть; они видѣли дочь тѣмЪ же огорченною. Нѣкоторая свойственница, Госпожи Гурвиль, живущая вЪ Парижѣ, увѣдомлена была о ихЪ жалкомЪ состояніи; она кЪ нимЪ писала, и убѣждала, по многимЪ письмамЪ, чтобЪ прислать кЪ ней ихЪ дочь. Время сего горестнаго разлученія настало; они обнимаютЪ свою

дочь, не имѣя силъ, какъ токмо взирать на оную не могши изъясняться, и подымаютъ вопль. Нѣтъ, я съ вами не разлучуся, вскричала Юлія. Я должна вамъ жизнію и любовію къ добродѣтели; я должна васъ подкрѣплять подъ игомъ нашихъ злополучій; нѣтъ подлѣе состоянія, какъ то, которое ведетъ за собою порокъ: я безъ сопротивленія и некраснѣе, подвергнуся всему, лишъ бы могла усладить горесть моихъ нѣжныхъ родителей [и ихъ съ восхищеніемъ обнимала]. Должноль пахать землю, должноль унизить въ должность меня служанки? должно ли служить? [За симъ словомъ она горестнѣе плачетъ] я съ охотою все исполню, ежели я могу вамъ быть тѣмъ полезною. Я только требую удѣленія отъ моихъ трудовъ на одну минуту въ цѣломъ дни, на одну минуту говорю, дабы приходить васъ видѣть, васъ обожать, плакать въ ва-

шихъ

нихъ объятiяхъ, вамъ сказать, что ваша дочь не знаетъ инаго благополучiя, какъ жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы обитаете; я буду васъ утѣшать, я буду радоваться вашимъ присудствiемъ; мы будемъ нещастливы купно. Это много, моя дочь, говорила госпожа Гурвиль: твой отецъ и я, мы тебя любимъ безсомнѣнiя,... Сiя нѣжность не кончится какъ съ нами, которая принуждаетъ насъ тебя выпустить изъ своихъ рукъ. Небо намъ представляетъ случаи быть менѣе нещастливыми: любезное наше дитя не будетъ дѣлить ужасность нашихъ безпокойствъ; мы будемъ знать, что она будетъ жить съ роднею, въ состоянiи больше сходственномъ съ своимъ рожденiемъ. Сiе воображенiе намъ сдѣлаетъ, что мы будемъ сносить судьбину съ облегченiемъ. Должно, дочь моя, благодарить всевышнее Существо и въ самыхъ терпѣнiяхъ насъ обременяющихъ. Ты съ нами раз-

лучаешся, Юлія! не теряй наставленій матери своей . . . Друга, которой будетЪ тебя имѢть вѢчно вЪ своемЪ сердцѢ . . . Помни что честь предпочитается богатству и жизни. Я лучше пожелаю [прибавила сія нѢжная мать сЪ токомЪ слезЪ] увѢдомиться о твоей смерти, нежели о безчестіи: ты Ѣдешь вЪ городЪ гдѢ легко можешь заблудиться, гдѢ все дышетЪ прельщеніями: но я хочу вѢрить, что нашЪ примѢрЪ будетЪ у тебя всегда передЪ глазами. Обойми еще меня, любезное дитя, обЪемли своего отца и требуй благословенія.

Юлія падаетЪ вЪ колѢни господина Гурвиля: онЪ не можетЪ выговорить, какЪ нѢсколько словЪ прерывающихся слезами: они провожаютЪ дочь до кареты, снабжаютЪ еще совѢтами наичувствительнѢйшими, между лобызаніями нѢжными и разлучаются.

Свойственница госпожи Гурвиль называлась Сюблини, которая

рая осталась вдовою бездѣтна, съ посредственнымъ имущеcтвомъ, которое однако довольно было къ ея содержанію. Она чрезмѣрно любила свѣтъ, и люди ее терпѣли, будучи веселонравія гремящаго; но безума, и не зная брать свои мѣры ни по лѣтамъ, ни по состоянію; была ужѐ сорока лѣтъ, а ходила всегда въ обществахъ женщинъ самыхъ молодыхъ и распустныхъ, бросаясь въ сластолюбіе, которымъ она никогда не пользовалась; была мучима единственнымъ упражненіемъ въ прогуливаніи своей скуки и унылости бытія своего. Такая-то была женщина, съ которою Юлія должна была жить

Госпожа Гурвиль не имѣла никакого знанія о нравѣ и поведеніи своей свойственницы; и сіе не вѣденіе было неисправляемою погрѣшностію упрекающею сію добродѣтельную мать, даже до послѣдняго издыханія. Отецъ, или

жать, могутЪ ли взять довольно предосторожности, и могутЪ ли довольно опасаться, когда хотятЪ повЂрить чужимЪ рукамЪ нЂжную молодость своихЪ дЂтей. Сей-то былЪ образЪ новой жизни для Юліи, весьма поправдЂ различной, отЪ первой: ей ужѐ не представляли больше прелестей добродЂтели, цЂломудрія, не разговаривали болЂе сЪ нею о ея должностяхЪ: она была на шеснатцатомЪ году̀ своего возраста. Какія сЂти окружаютЪ сіи годы! колико трудно противится всякаго рода прельщеніямЪ, и какЪ мало служитЪ вЪ сихЪ первыхЪ лЂтахЪ, вЪ коихЪ начинаютЪ чувствовать пріятность жизни, природа кЪ укрЂпленію разума и истинны! Юлія зрЂла образЪ честности ея ребячества, бЂгущей отЪ ея глазЪ, подобно сновидЂнію, которое скоро вЪ памяти не оставляетЪ ничего. Самолюбіе заняло мЂсто лябви родительской и не вЪ ПарижЂ вкушаютЪ нас-

лаж-

лажденіе сего послѣдняго мнѣнія? Пріятности Юліи были въ блестящемъ ихъ цвѣтѣ, не трудно ей было принять манеры обхожденія столичнаго города, которые составляютъ всѣ достоинства украшеннаго, какъ говорятъ, разума. Она будучи введена въ свѣтъ, предалась наконецъ всѣмъ прельщеніямъ, вездѣ были повтоpенія похвалъ ласкательнѣйшихъ и опаснѣйшихъ о ея красотѣ, и дарованіяхъ, плѣняющихъ всѣхъ. Сіи выраженія чрезмѣрно льстительныя; сіи привѣтствія испещренныя увеличиваніями безъ всякаго вкуса: всѣ сіи глупыя рѣчи, съ повтореніями пріятныхъ и краснорѣчивыхъ людей, которыхъ можно назвать безумцами свѣта, безпрестанно отзывались въ ушахъ Юліи. Сей глупой образъ пустыхъ рѣчей, несносной разумнымъ людямъ, разсуждая по самолюбію, не имѣетъ ничего естественнаго и разумнаго въ себѣ. Юлія дошла до того, что

ужѐ

уже не сердится, слыша оныя. Сей первой ступенью, она шла не страшась, и не предвидя къ своей погибели: она была упоенна ядомъ сихъ ложныхъ и слабыхъ похвалъ. Часто глядѣлась въ свое зеркало, и можно вѣрить, что она воображеніемъ находила себя красивѣе еще, нежели увѣряли; она же не могла удерживать тайныя свои воздыханія, когда видѣла себя безъ уборовъ, кои прибавляли бы украшеніе ея прелестямъ. Какіе уже успѣхи произвело прельщеніе! колико перемѣнила Юлія ту невинность души, которую принесла изъ объятіевъ своей сѣмьи.

Она съ госпожею Сюблини ѣздила въ позорищи и на гулянія. Сія женщина имѣла безчисленное знакомство въ увеселеніяхъ, коихъ она была всегда участница; но можно легко понять, что удовольствіе видѣть Юлію, не меньшею было причиною учтивости

сти являемой ея родственницѢ. Мущины особливо оскорблялись, когда тетка была безЪ племянницы, и о томЪ изЪяснялись госпожѢ Сюблини, которая будучи совсѢмЪ ослѢплена. По правдѢ думала о себѢ, что она великое почтенiе вЪ обществѢ имѢетЪ.

КакЪ бы могла Юлiя упорствовать толь великимЪ непрiятелямЪ: молодости, любви и красотѢ? Возвращаясь вЪ свои покои, она вопрошала себя о своихЪ прелестяхЪ; всегда находила себя любезнѢе, и всегда униженнѢе недостатками уборовЪ, вЪ коихЪ имѢнiе ей отказывало. Когда ѢздилавЪ Тюлiери, вЪ Королевской домЪ: то глазà ея прилѢплялись кЪ особамЪ своего пóлу, наилучше одѢтымЪ: спрашивала сЪ нетерпѢливостью, кто она? Это конечно женщина первой степени? это госпожа *** дѢвка не знатнаго роду; но ея видЪ, ея красота, возвышаютЪ ея

выше

выше природной судьбины; она пользуется блистающимъ состояніемъ; содержитъ преизрядной домъ; вся Франція ѣздитъ къ ней ужинать; знатныя госпожи примѣняются къ ея вкусу; она приводитъ въ славу уборку, моду, возвышаетъ человѣка остраго разума; раздѣляетъ хвалу актрисамъ: она такъ же въ уваженіи... Она въ уваженіи, прервала Юлія съ удивленіемъ! Безъ прекословія: она почтена отъ всѣхъ и онаго есть достойна; она богата, любезна, была героиня двашцати исторій: сверьхъ сего въ преимущество имѣетъ, что хорошаго содержитъ повара. Вотъ достоинства къ уваженію себя въ сей землѣ. Богатство есть душа общая, составляющая жизнь, которая все украшаетъ. Хорошее лицо, какъ напримеръ ваше, обвернутое въ простомъ чепчикѣ, теряетъ наибольшую часть своихъ прелестей; кружева и бралїанты нынѣ сдѣлались нуж-

ными женщинамЪ, желающимЪ блеснуть вЪ свѣтѣ: ничто такЪ не приближаетЪ кЪ подлой служанкѣ, какЪ красавица, неявляющая ничего своею наружностью и богатымЪ украшеніемЪ. Что есть добродѣтель сравненная сЪ пріятностьми, происходящими отЪ богатства и утѣхЪ? Это застарѣлое мнѣніе, которому нѣтЪ жертвЪ, кромѣ безумцовЪ.

Сіи ядовитые разговоры ударялись часто вЪ уши Юліи подЪ двацатью различными выраженіями, кои не значили ничего инаго, какЪ принятное мнѣніе свѣтскихЪ людей: „Богатство есть „все; а добродѣтель ничего, или „покрайней мѣрѣ весьма малая „вещь.„ Она не могла открыть глаза не видѣвЪ женщинЪ, ищущихЪ щастія сЪ погубленіемЪ чести. Мало помалу чувствованія отЪ родителей вперенныя вЪ душѣ ея, ослабѣвали и исчезали: подобно картинѣ, на которой во

вся-

всякое мгновенiе цвѣты блѣднѣютъ. Она бы не хотѣла оставить дорогу, показанную виновниками ея жизни: но быть шестьнатцатилѣтнею, раствержаемою по своимъ прелестямъ и красотѣ, слышать весь Парижъ, повторяющей толь ласкательную похвалу, не имѣя бралiянтовъ и штата, едва нуждное имѣть быть вывѣскою нещастiя, что всегда противно самолюбiю: сiе-то было искушенiемъ жестокимъ Юлiи. Были минуты, въ которыя она, будучи одна, проливала слёзы съ огорченiемъ. Какъ много стоитъ быть добродѣтельнымъ, не умѣя полагать благороднаго честолюбiя въ дѣланiи добра, и въ удовольствiи себя собственнымъ почтенiемъ! Весьма удивительно, что самолюбiе не такъ остроумно, и что не можетъ быть безъ помощи другихъ. Какое есть награжденiе добродѣтели? Добродѣтель сама: она не можетъ желать себѣ лучшаго воздаянiя.

Сiи

Сіи правила, начертанныя въ сердцахъ чувствительныхъ и честныхъ, казались бы Юліи истиннымъ быть плодомъ весьма хорошихъ родительскихъ наставленій, когда она жила въ томъ селѣ, которое было убѣжищемъ бѣдности благородной фамиліи: но Юлія такъ перемѣнилась въ Парижѣ, чтобы назвала глупостію всѣ притяженія къ добродѣтели, отъ которой она весьма отдалялась.

Окружающіе госпожу Сюблини люди, не мало вспомоществовали къ принятію сихъ толь противныхъ первымъ основаніемъ ея воспитанія мнѣній. Она свела знакомство съ такъ называемыми отъ нея друзьями, и между прочими больше познакомилась съ госпожею Соваль, которая больше всѣхъ привела въ порокъ, сердце ужѐ сопротивляющееся и удерживаемое первыми своими чувствованіями невинности.

Сія госпожа Соваль была изъ такихъ женщинъ, коихъ вездѣ принимаютъ, которыя почтены по качествамъ добрыхъ, какъ говорятъ, услугъ; простая казавшаяся простосердечною, говоря много, и сказывая очень мало, гордясь тѣмъ, что ей открываютъ тайны, и поспѣшна всегда открыть свои, входя во всѣ тонкости оныхъ и скрывала все сіе видомъ чувствительности и принятое участіе, которой она умѣла притворять всегда съ нѣкоторою пристойностію: не много надобно разума для употребленія вывертокъ въ лукавствахъ! и будучи при томъ ужѐ пріобыкшею носить имя довольно сумнительное, презирая стихи на оную сочиненныя и множествомъ соблазнительныхъ приключеній своихъ достигши до того, что ужѐ злословію нѣчего объ ней сказать. Женщина такого качества, не имѣла труда войти въ знакомство съ безсмысленною госпожею Сюблини.

Пле-

Племянница съ великою радостію поспѣшала открыть первыя движенія сердца своему другу; ибо всѣ общества пріемлютъ въ глазахъ юношества видъ дружбы: чувствительность сихъ лѣтъ не бываетъ укрѣплена опытами, и нужда любить не малою причиною ихъ погрѣшностей и нещастій. Можетъ быть спросятъ для чего госпожа Соваль не довольствовалась общимъ къ ней презрѣніемъ, и желала дѣлить свой стыдъ и дурную славу съ молодою дѣвушкою, каторая еще была привязана къ добродѣтели. Надобно испытать сердце злобныхъ; можно во оныхъ примѣтить съ ужасомъ, что ихъ мерзское утѣшеніе, чтобъ распространять успѣхи зла, и умножить число своихъ сообщниковъ. Сіи суть зараженные люди, кои прежде послѣдняго издыханія, вкушаютъ адское увеселеніе изъ сообщенія своего яду, и изъ того, что взираютъ на падающихъ съ собою.

Госпо-

Госпожа Соваль уловляла всѣ случаи къ приведенію въ заблужденіи слабой Юліи: ея влюбчивость, чрезвычайное желаніе нравится, блеснуть и привлекать на себя. Глаза всѣхъ были примѣчаемы сею проницательною женщиною, которую честь ужѐ оставила, и которая за то отмщеніе сыскивала: она была вооружена къ приведенію и въ заблужденіе, поспѣшая погибелію Юліи, на почти никогда отъ нея не отходила. Юлія слышала безпрестанно отъ нея: о! Боже мой, какою ты сотворена! Вотъ несносное платье, бѣлье непристойной толщины: уборы вамъ очень нужны. Прекраснѣйшая женщина неубранная, не много разнствуетъ отъ дурной Ты не пользуешся пріятностьми, которыми природа тебя снабдила; ты ихъ сокрываешь въ безумной простотѣ, вмѣсто украшенія. Ахъ! для чего я не въ твои лѣта! я бы лучше умѣла пользоваться своими

пре

прелестьми . . . и при томъ же госпожа Соваль представляла всегда ей себя въ образецъ. Сіи были совѣты дружескіе, будто бы безъ корысти: она была молода, имѣла нѣжное лице, прекрасные волосы, и не была богата: она имѣла твердость се́рдца [продолжала она, похваляя свое нравоученіе] побѣждать предъ разсужденія [ибо ето выраженіе модное] и презирать народныя рѣчи. Нѣкоторые знаки снисхожденія къ одному честному человѣку, заслуживающему ея почтеніе, и имѣющему намѣреніе на ней жениться, перемѣнили ея состояніе; съ тогожъ самого времени она увидѣла себя въ благополучіи, имѣя домъ, желаемыя собранія, изобиліе браліантовъ, и примѣтила, что они суть обаваніе красоты [при словѣ браліанты вздохъ Юліи слѣдовалъ]. Я не скрываю отъ тебя, продолжала госпожа Соваль: я бы рѣшилась будучи на твоемъ мѣстѣ. Что ты

ожидаешь отъ своей тетки? Она мало имѣетъ имѣнія. Какъ ты прекрасна, и знатнаго роду, можешь ли ты унизить себя въ должность горнишной дѣвки?

На слово горнишной дѣвки, Юлія немогла воздержаться, чтобъ не показать вида досады. Самая та Юлія, которая, какъ жила съ почтенными родителями, принесла бы съ удовольствіемъ состояніе наиподлѣйшее, естьли только сія жертва могла бы служить къ сохраненію чистоты ея нравовъ.

Хитрая хвалительница пороковъ прибавляла: хотя бы ты была въ состояніи служанки и чудомъ добродѣтели, тобѣ не повѣрили; а сверьхъ того еще несчастіе весьма не пріятно, и презрѣнно! Не бери себѣ въ голову, что книги, и сіи такъ называемые чесные люди, учители рода человѣчаскаго, говорятъ правду.

Другъ

другъ мой . . . Я тебя люблю, какъ дочь; открой глаза, и не взирай, не слушай кромѣ свѣта! вотъ истинныя тебѣ книги, однѣ только, которыя нужны; внимай, что кромѣ богатства и утѣхи ничего не желаютъ, и одно за другимъ оное слѣдуетъ. Я знаю всѣ примѣчанія при семъ случаѣ, которыя можно сдѣлать: но я утвердительно тебѣ сказываю истинну; ни ты, ни я не будемъ имѣть особеннаго права къ поправленію людей. И такъ должно съ ними съ такими жить, какія они суть, и сдѣлать оныхъ орудіемъ нашего благосостоянія. Сіе-то должно быть единственнымъ твоимъ предметомъ . . .

Какъ, сказала Юлія! Я погрѣшила бы противъ своего роду, чести . . . Я тожъ самое говорила, что ты моя любезная; воображала сама сіи восклицанія; я имѣла такъ же родъ, честь

и они меня почти голодомъ уморили! Любезная моя Юлія! въ твой лѣта имѣется все то, что нужно къ составленію Романовъ: но должно возвратиться къ повѣствованію человѣчества и искуства: мы не всегда молоды. Раскаяніе слѣдуетъ по слѣдамъ несчастія, и не имѣя ужè болѣе время исправить свои глупости. Впрочемъ ты мой мысли не поняла: во всѣхъ предпріятіяхъ жизни есть устройство, за которое должно приняться. Сіе есть искусство такое, котораго незнаніе тебѣ еще негрѣшно . . . Отдайся въ руководство. Не сомнѣвайся будетъ стараніе о твоемъ благополучіи. Обойми меня, любезный другъ! держи наипаче тайность нерушимую. Ты видишь, я тебѣ даю опыты нѣжной любви . . . Предайся моимъ совѣтамъ; я точно желаю, чтобъ ты была любезнѣйшая и счастливѣйшая изъ всѣхъ женщинъ.

Сіи

Сіи ядомъ полные разговоры, произвели свое дѣйствіе. Юлія съ нача́ла сего опаснаго представленія госпожи Соваль, была приведена въ сомнительство. Пото́мъ она оное предложеніе нашла не такъ опаснымъ и не такъ ужаснымъ: стенала о своемъ ограниченномъ состояніи, бѣгала къ зеркалу, разсматривала свои прелести, и возвращалась къ своей невѣрной предводительницѣ.

Госпожа Сюблини ничего не боялась отъ обхожденія Юліи съ сею женщиною; она продолжала отправленія своихъ визитовъ, которыя всѣмъ были не весьма пріятны; продолжала праздную жизнь, и умножала скучную себѣ дородность. Правда, что присутствіе молодой и прекрасной племянницы прогоняло скуку на нея глядѣть.

Не безъ намѣренія ввела сія презрительная Соваль сіи разговоры,

воры легко вперяющіеся вЪ сердце, еще незнающее обхожденія свѣта и вЪ которомЪ добродѣтель еще не глубоко вкоренилась. ОдинЪ знатной человѣкЪ, увидя на гуляньи Юлію, влюбился весьма страстно. Можно догадаться, что онЪ склонилЪ госпожу Соваль на свою сторону, и что ему не было трудно привязать оную кЪ тому: онЪ употребилЪ всѣ способы, какіе употребляются вЪ такихЪ дѣлахЪ. Юлія часто препровождала цѣлые дни сЪ сею женщиною: тѣже всегда рѣчи были ей повторяемы гнусною Совалією, и тѣже прельщенія. Вседневно Юлія чувствовала больше склонности кЪ онымЪ, и больше удалялась отЪ своихЪ первыхЪ впечатлѣній честности.

Незапной случай, казалось, будтобы привелЪ Маркиза Жерміолія вЪ знакомство госпожи Соваль. Легко отгадать можно, кто былЪ сей МаркизЪ Жерміоль, и

что

что сей случай былъ весьма съ умысломъ сопряженъ. Маркизъ остается нѣсколько минутъ наединѣ съ Юліею: онъ въ восхищеніи признавался ей въ своей страсти; онъ былъ любезенъ. Юлія не отвѣчала: но сіе молчаніе сложило только къ умноженію его страсти. Оное придавало новыя ей прелести въ глазахъ Маркиза. Сей прелестникъ объявилъ себя съ первыхъ словъ женихомъ, которой всю нѣжность увѣнчать хотѣлъ супружествомъ. Несчастливая Юлія, предана будучи хитростью Совалія, природною склонностью, собственнымъ своимъ сердцемъ, повѣрила всему, возпользовались тотчасъ ея заблужденіемъ, доведши даже до того, что привели ея до крайности: она согласилась на похищеніе себя. Наконецъ, по многимъ упорствамъ, слезамъ, угрызеніемъ совѣсти, забывъ свой родъ, воспитаніе, родителей, дочь почтеннаго господина Гурвиля, сдѣ-

лалась любовницей Маркиза Жермїолія. Завѣса спала, открылись всѣ обманы, познала, что она не жена Маркиза, и что не будетъ никогда. Не льзя ужѐ ей возвратиться на прежнїе слѣды, сокрытый гласъ вопіетъ, что потеряла честь, что посрамила свой родъ; но сей гласъ скоро былъ затмѣнъ блескомъ роскоши, богатства и утѣхами, казавшимися всѣ желанїя ея предупредить готовыми; великолѣпность, по модѣ изобрѣтенная, спѣшила къ ея утѣшенїю. Госпожа Соваль старалась содержать ея въ надменныхъ мысляхъ о своемъ счастіи все, что ея ни окружало; приращеніе дѣлало къ сему страшному забвенїю своихъ должностей; свергало въ порокъ, приводило въ разговоры, наполненные ласкательствомъ сплетеннымъ съ разумомъ, пріятностьми, увѣселяющими обхожденіе, и всѣмъ тѣмъ, что глупые называютъ моднымъ украшеніемъ. Слово не

было

было произносимо, котороеб могло возвратить Юлію къ добродѣтели.

Береглись весьма въ семъ заговорѣ, подкрѣпиться согласіемъ госпожи Сюблини: она занемогла увѣдомившись о похищеніи племянницы: много плакала, угрожала, и кончила удовольствіемъ увидя ея и находясь съ нею при великолѣпномъ ужинѣ; однакожъ приняла смѣлость представить Маркизу, что его поступокъ уязвилъ ея честность, и что онъ долженъ возвратить прежнюю ей честь скорою женидбою. Жерміоль обѣщалъ имъ все то, что они хотѣли, и потомъ не говорили больше, какъ только о забавахъ; вседневно вводились въ новыя знакомства, и представлялись имъ новыя пированія. Госпожа Сюблини единственную предосторожность взяла внушать, чтобъ сіи происхожденія содержать въ тайнѣ, и сверхъ сего,

чтобЪ молчать о своей фамиліи, дабы отецЪ и матъ не были увѣдомлены о совершенномЪ ихЪ несчастіи.

Сія презрительная тетка, не смотря на гнусную свою слабость и глупую склонность, быть вездѣ вмѣшенною, не могла преодолѣть огорченія, изнуряющаго ея. Она боявшись, чтобЪ родители не были со временемЪ увѣдомлены о оскорбительномЪ ея состояніи, писала кЪ нимЪ, что племянница ея занемогла. ГосподинЪ и госпожа Гурвиль, жившіе несвѣдущіе вЪ темномЪ углу нѣкоторой пограничной провинціи королевства, и будучи должны слѣпо вѣрить извѣстіямЪ отЪ госпожи Сюблини, не сумнѣвались о сей печальной вѣсти. Она не имѣла времени веселиться своими срамными снисхожденіями. Вышедши изЪ одного изЪ сихЪ великолѣпныхЪ ужиновЪ, толь не кстати называющимися деликатными, воз-

возвратилась домой весьма не здоровою. Болѣзнь ея умножилась, и наконецъ умерла, подавши нѣсколько гнусныхъ наставленій племянницѣ, которая ихъ скоро позабыла и отерла слёзы, по причинѣ сей смерти пролитыя.

Ея жизнь была безпрерывнымъ расточеніемъ; съ трудомъ успѣвала себя спросить, чего желала; и можетъ быть, что она была довольна вѣтренностію своею и отдаленіемъ отъ познанія себя.

Съ Господиномъ Жерміолемъ тожъ случилось, что и со многими бываетъ. Онъ любилъ Юлію страстно; онъ раззорился для нея, и ея оставилъ. Вотъ огорченная, оплакивающая своего любовника, свое несчастіе, готовая отверсть сердце ко упрекамъ, отъ коихъ она отъ далялась. Несчастіе опять возвращаетъ къ добродетели. Услуж-

ная Соваль къ утѣшенію приходитъ, употребляетъ весь свой разумъ, или, лучше сказать, всю подлость души своей, чтобъ друга своего утѣшить, и ея отвесты отъ честнаго намѣренія, чтобъ жить во уединеніи; говорить ей о ея красотѣ, вооружаетъ тщеславіе противъ раскаянія, и опять погружаетъ въ ту же жизнь, отъ которой она хотѣла отдалиться.

Они ѣдутъ въ позорище. Госпожа Соваль указываетъ Юліи госпожу, . . . покрытую бралліантами. Вотъ, говорила она, безстыдная женщина: видишъ ли ты, что она тутъ нарочно заняла мѣсто, чтобъ тобою поругаться, и затмить своими бралліантами? Дормилій тутъ возлѣ нихъ сталъ. Сей Дормилій былъ наисчасливѣйшій человѣкъ и въ модѣ. Они искали отмщенія для сей гордѣливицы, которая осмѣлилась показаніемъ богатства,

ства, побѣждать всѣхъ соперницъ. Дормилій весьма богатый, объявилъ госпожѣ Соваль, что съ веселіемъ употребитъ себя въ сіе отмщеніе, что Юлія будетъ, можетъ быть, богатѣе всѣхъ Парижскихъ женщинъ браліантами. Предложеніе его было принято. Юлія въ слѣдующую пятницу явилась въ большой ложѣ въ оперѣ и всѣ были затмѣнны.

Она видѣла исполненіе всѣхъ своихъ желаній; ея страсть къ украшенію себя и къ блистанію была насыщена. Тогда-то голосъ, которой всегда шепталъ во внутренности сéрдца, сталъ яснѣе и силнѣе. Она удалилась отъ свѣта, которой ей ужё казался скучнымъ; однимъ словомъ, она себя искала и не обрѣтала болѣе Юліи воспитанной въ объятіяхъ чесности и невинности; часто ея заставала въ своемъ кабинетѣ слезами орошаему;

 госпо-

госпожа Саваль представлялась ея глазамЪ гнусными чертами, ей свойственными; она пришла ей вЪ омерзеніе; наконецЪ Юлія увидѣла сЪ ужасомЪ, что сія женщина ея привела вЪ заблужденіе. Сіи разсужденія произвели явной разрывЪ дружбы ея сЪ госпожею Соваль. Иногда сія несчастливая жертва кричала: о любезныя мои родители: я васЪ обесчестила! я содѣлала вамЪ срамЪ! я та, которая получила не помраченную отЪ васЪ славу! Вы вЪ несчастіи! но я познаю, я чувствую прямое злополучіе. Я потеряла благо, которое не могу ужѐ возвратить! я озлобила, я попрала ногами честность моего рожденія! я унизила благородство своей души. МожетЪ быть вы оплакиваете вЪ сей часЪ меня какЪ мертвую. АхЪ! естьлибЪ вы знали, что я еще дышу, выбЪ о моей жизни проливали слѐзы! О, братЪ мой! вЪ семЪ ложномЪ блистаніи, вЪ семЪ презрѣніи, у-

знанЪ

зналЪ ли бы ты свою сестру? Я не привязана ужѐ ни кЪ чему на свѢтѢ: я несчастная . . . виновная, которую должны отвергать всѢ.

Сіи воображенія, утясняющія ежеминутно, приходили ко обладанію Юліи. Колико разЪ принималась она за перо писать кЪ отцу своему и матери! но страхЪ, стыдЪ ея останавливали и перо валилось изЪ рукЪ. Она желала вырваться изЪ вредительнѢйшихЪ сихЪ цѢпей, которыя связали ея вЪ порокахЪ; но силЪ не доставало: должно быть весьма мужественну для возвращенія кЪ добродѢтели. Тогда, какЪ она ужѐ отЪ слабости оставлена, издали взираютЪ на нея, какЪ на желаемую пристань. Но кЪ достиженію до оной, нужно изпытать силы, и удвоить оныя и при всемЪ томЪ остаются какЪ вЪ открытомЪ морѢ, подверженномЪ непогодѢ и гибнутЪ вздыхая, достигнуть береговЪ. Юлія

Юлія страдала отЂ сихЂ внутренныхЂ возмущеній: ея прелести измѣнялись, пріятная веселость, служащая прибавкомЂ ея красотѣ, увѣдала смутная задумчивость, помрачала ея прелести; ея любовникЂ и обожатели [сіи люди всегда многочисленны кругЂ прекрасной женщины], тщетно у нея спрашивали о причинѣ толь странной перемѣны. Она весьма остерегалась вЂ открытіи оной. Юлія довольно испытала обычаи общества, зная, что ежелибы она открыла тайность сéрдца своего, тобЂ приняли ея за женщину, которая притворно показывала невинность; что привело бы ея вЂ осмѣяніе неисправляемое, и не пріобрѣло бы ей соболѣзнованія ихЂ и почтенія, и Юлія не была довольно готова кЂ возвышенному стремленію раскаянія, чтобЂ противиться насмѣшеству. Сіе упорствованіе принадлежитЂ только мужественнымЂ душамЂ, и смертныхЂ мало на землй заслужива-

живающихъ сіе имя, почти всегда отъ слабости душъ происходятъ ихъ заблужденія и преступленія: укрѣпите ихъ, то необходимо будутъ имѣть основаніе добродѣтели и великихъ дѣлъ.

Одинъ изъ сихъ главнѣйшихъ вѣтрерницъ, которые окружали Юлію, вошелъ однажды къ ней въ горницу съ тѣмъ гордымъ и дерзовеннымъ видомъ, которой или назывался отмѣннымъ, представляя ей молодаго офицера, именемъ Домаля, которой не имѣлъ вида любовника. Кротость являлась во всей его наружновти: его благородной видъ еще привлекательнѣе былъ знаками печали, которые онъ являлъ, какъ казалось, по неволѣ. Юлія, увидя его, почувствовала движеніе въ душѣ дотолѣ не испытанное; она была тронута такимъ чувствованіемъ, которое умягчаетъ сердце, и мало разнствуетъ отъ чувствованія любви.

ви. Сей молодой человѣкъ не меньше чувствовалъ Юлій; онъ говорилъ съ нею съ ласкательнѣйшею осторожностію для женщинъ. Сей полъ лучше разумѣетъ насъ цѣну и нѣжность впечатлѣній, возбуждаемыхъ оною. Домаль просилъ Юлію, чтобъ позволила ему частымъ посѣщеніемъ являть ей свое почтеніе: онъ мало затрудненія имѣлъ въ полученіи желаемаго, онъ ей нравился.

Ихъ знакомство вседневно подкрѣплялось. Юлія грустила вечеръ, видя окончаніе дня безъ свиданія съ Домалемъ, и Домаль взаимно признавался, что онъ былъ безпокоенъ, бывая лишенъ присутствія Юліи: оба другъ другу сдѣлались нужными. Юлія съ тѣхъ поръ, какъ его узнала, сносила возмущеніе, снѣдающее ея съ меньшей горестью: казалось, что обхожденіе ея съ Домалемъ услаждало ядъ, излитый на ея

дни:

дни: однако были минуты, вѣ которыя они являлись боящимися разговаривать. Иногда Юлія не дерзала поднять глазѣ Домаль вѣ свои разговоры искусно вводилѣ хвалу добродѣтели; и тогда Юлія, входя вѣ себя, находила себя виновною самою ненавидимою. Часто ея глаза̀ покрывались слезами, тужа о своемѣ состояніи. Наконецѣ, вѣ одну изѣ сихѣ минутѣ, когда душа была управляема сильнѣйшимѣ чувствомѣ, Домаль вскричалѣ! я хочу нѣчто сдѣлать, что вамѣ не понравится сударыня; но не могу противиться чувствительности толь нѣжной, толь почтительной, которая меня привязываетѣ кѣ вамѣ. Простите моему дерзновенію! я весьма чувствую, не любовь, но привязанность безкорыстную, которая меня ободряетѣ и принуждаетѣ спросить, желая, чтобѣ оное не обезпокоило васѣ. Я примѣтилѣ, что слёзы изѣ глазѣ вашихѣ катятся, по предложеніи

моемѣ

моемъ о добродѣтели, люди въ свѣтѣ являются васъ обеспокоивающими; вы тайныя испускаете стенанія о своей судьбинѣ. Какъ съ такою прелестію, красотою, склонностью толь явною къ добродѣтели; вы, которой красота предъявляетъ непорочность сéрдца! . . Ахъ, сударыня! вы меня внимаете. — Такъ . . сударь, я васъ разумѣю . . . Я самая жалостнѣйшая, изъ всѣхъ женщинъ наизлополучнѣйшая. Я люблю добродѣтель; конечно, я чувствую оной цѣну; но я въ заблужденіи свѣтъ примѣръ, молодость, другъ . . . недостойной другъ, все меня въ развращеніе привело въ заблужденіе, которое мнѣ стóитъ жизни. — Вы раздираете мнѣ сердце, сударыня: развѣ вы думаете, что не всегда есть время къ раскаянію? Мой стыдъ не исправляемъ . . . Я презрительна въ глазахъ каждаго . . . и въ своихъ. Такъ же великодушное возвращеніе къ добродѣтели намъ

от-

отдаетъ народное почтеніе, и почтеніе отъ самихъ себя.. Увы! сударыня, вы не однѣ, которую обманы и дурные примѣры привели въ заблужденіе: не одна фамилія оплакиваетъ безпорядки молодыхъ людей, которыхъ ихъ рожденіе, воспитаніе повидимому должно бы привязывать къ честности навсегда. За сими послѣдними словами, Юлія взираетъ на Домаля, и испущаетъ изъ внутренности вздохъ. Ахъ! государь мой, сіи-то разсужденія меня смертельнѣ трогаютъ; я имѣю фамилію... Пачтенную Фамилію, я навлекла ей безчестіе любезные родители! . . . должно, сударыня, ихъ опять увидѣть, припасть къ ихъ ногамъ, войти паки въ объятія добродетели; вы ей прибавите прелести; вы ея сдѣлаете любезнѣе. Какъ! вы думаете, что моя отчаянность, что мои упреки, мои скорыя и искренныя угрызенія, могутъ получить прощенія отъ добро-

добродѣтелныхъ моихъ родителей . . ., которыхъ я посрамила? Не сумневайтесь въ томъ сударыня, и какія сердца толь благородныя, чувство ваше не убѣдило бы? . . , О! . . . Естьли моя сестра такъ помышляла! . . . Вы имѣете сестру? . . которая составляетъ мои несчастія, которой заблужденія, сударыня, гонятъ меня ко гробу? Она ужè мать мою туды свергла; она погружаетъ въ оное и несчастнаго старика отца моего, которой оплакивалъ ея смерть, которой потомъ узналъ, что она жива, и жива . . . къ нашему безчестію; она принудила [Домаль прибавлялъ погружаясь въ слезахъ] меня принудила переменить имя. . . Домаль, ето не ваше имя? какъ же вы называетесь? . . — . . Гурвиль. — Ахъ! мой братъ! и Юлія падаетъ безчувственна. Домаль стоитъ какъ стрѣлою пораженный. Юлія опять открываетъ глаза и кидается въ колѣни къ

брату:

брату: такЪ, мой братЪ, ты зришь сестру свою преступницею передЪ собою дочь господина Гурвиля, неимѣющую инаго желанія, кромѣ смерти. Послѣдней вздохЪ, которой будетЪ для тебя, для добродѣтели: я повергаю всѣ сіи свидѣтельства моего стыда! [она снимая бралïанты, складень и всѣ уборы откидываетЪ далеко отЪ себя вЪ своей горницѣ]. Любезной братЪ! я недостойна, чтобЪ ты называлЪ меня сестрою, но естьли хотя ты меня не любишь, хотя не почитаешь, то по крайней мѣрѣ сжалишся... Я полечу принять наиподлѣйшее состоянie... Но тамЪ опять не обрящу своей чести!... Я ея потеряла, продолжала она, прерывая вздохами! Домаль обЪемля ея и воздыхая сЪ нею купно не имѣетЪ силЪ, какЪ сказать. АхЪ! сестра моя! КакЪ, ты называешь еще меня своея сестрою, великодушный братЪ? ВотЪ куда моя слабость, любовь кЪ счастію и ложнымЪ блистаніямЪ меня

до-

довели! Я оставила родительскія объятія, объятія честности. Но говорю: сіи любезныя родители.. Увы! я трепещу одного ихъ имени; я вижу ихъ востающихъ противъ меня, мнѣ выговаривающихъ.. Какъ! я причиною смерти моей матери!... Любезной братъ! дай мнѣ испустить духъ у своихъ ногъ? я не могу сносить болѣе своей жизни; я недостойна ни свѣта солнечнаго, ни тебя; я хочу... хочу умѣреть здѣсь въ своихъ слезахъ... Пусти меня [Домаль поднимая и взирая съ нѣжною чувствительностію] — Раскаяніе... раскаяніе.. можетъ исправить погрѣшности... Поди, чтобъ я тебя проводилъ къ смертной постелѣ несчастливаго нашего отца. — Что ты говоришь? — Онъ при послѣдней минутѣ своей жизни... Они услышали... То, что мы должны забыть... Мать съ печали умерла, а родитель пріѣхалъ въ Парижъ, чтобъ тебя возвратить къ

себ

себя . . . умереть . . . ВЪ твоихЪ объятіяхЪ, сестрица . . . Невдавайся вЪ отчаяніе . . ОнЪ тебя еще увидитЪ. ОнЪ тебя проститЪ, ОнЪ тебя любитЪ.

Обнявшись они, горестно плакали, хотѣли изЪясняться; но вздохи не допускали ихЪ кЪ оному. НаконецЪ Юлія вскричала: ты увидишь, любезной братЪ! что я имѣла всѣ склонности, заслуживающія ваше родство. АхЪ! для чего я попала вЪ сей несчастливой городЪ?

Она оставляетЪ Домаля, отсылаетЪ всѣ свои браліанты кЪ своимЪ любовникамЪ, распускаетЪ слугЪ, распродаетЪ всѣ мебели, облекается вЪ простую одежду, и бѣжитЪ своего брата. У меня есть деньги: не будете ли батюшка имѣть вЪ нихЪ нужды? Что ты мнѣ предлагаешь, отвѣчаетЪ Домаль сЪ досадою? Вели раздать сіи деньги бѣднымЪ, чтобЪ могло загладить! . . . Постой, любезной братЪ, я довольно унижена . . Все, что ты представляешь,

ешь, справедливо ; но боюсь я что бы мой батюшка . . . Пока я имѣю каплю крови, текущую въ жилахъ, прервалъ Домаль возвышая голосъ: я оную предамъ за отца, . . . а ты его озлобилабъ . . . Не оканчивай, не говори мнѣ ничего, я знаю . . . То, что я есть, твореніе несчастливое, лишенное правъ человѣчества, опредѣленное на презрѣніе, отверженное отъ всего естества . . . Я злополучная, . . . которая достойна смерти, а мой братъ . . . не пронзаетъ моего сéрдца . . . Моя жизнь не будетъ долговременною . . . Но какими глазами будетъ взирать на меня родитель? — Я тебѣ ужè сказывалъ, съ нѣжностію.

Священникъ приходитъ. — Наконецъ я васъ нашелъ, сударыня, удостойте меня слѣдовать мнѣ вы съ своимъ братцомъ; безъ потеряніи времени; вы не можете сдѣлать лучше, вы возвратите спокойствіе душѣ, вольнующейся угрызеніями. Юлія и Домаль

маль являлись сомнительными. Священникъ ихъ принуждаетъ: они уступаютъ; онъ ихъ посадилъ въ карету; они на краю предмѣстія останавливаются; всходятъ тѣснымъ и узкимъ проходомъ въ пятое жилье; входятъ въ горницу, подобную чердаку, гдѣ все представляло страшную бѣдность; голосъ, умирающій исходитъ съ нищенской постѣли. — Ахъ! сударыня, коликое я должна принесть благодареніе Богу, за то, что прежде испущенія духа, я могу испросить у тебя прощенія . . . за всѣ мои преступленія! Вотъ, государь мой, [продолжала она среди вдоховъ, обратясь къ священнику]; вотъ добродѣтель самая, . . . которую я повредила, которую я ввела въ гибель своими подлѣйшими упросами . . . Госпожа Соваль, вскричала Юлія! въ какомъ состояніи! — Такъ, сударыня, я та бѣдная, которая ввергла тебя въ безпорядокъ, которая бросила тебя въ пучину пороковъ. Я по-

лучила за оное ужѐ наказаніе, которое можетъ быть не иное, какъ предзнаменованіе вѣчной ка́зни. Ты видишь мою нищету: се плоды сороколѣтнихъ моихъ скаредностей и преступительныхъ бездѣльствъ: я въ одно мгновеніе иду отдать отчетъ вышнему судьѣ. Сихъ со́рока лѣтъ, нѣтъ дня, нѣтъ единаго дня, во всей моей жизни, которой бы не восталъ противъ меня. [Она усиливаетъ себя къ ободренію своего ослабѣвающаго го́лоса]. Я знала, сударыня, что ты нашла опять своего брата, что возвратилась къ добродѣтели, къ Богу, которой меня поражаетъ, и отъ котораго я тебя отвлекла; твое раскаяніе его подвигнетъ . . . Но я . . . несчастная! чего должна ожидать отъ его милосердія? Нѣтъ, [во всемъ бѣшенствѣ отчаянія], я не имѣю надежды къ полученію Его милости: навсегда, навсегда я отвращена!. . . Я не помышляю ни о чемъ . . какъ о вѣчной мукѣ.

За

За сими словами она опустила голову на свои ру́ки и орошаетъ слезами. Благопріятной священникъ стремится ея утѣшить; онъ ей изображаетъ милосердаго Творца, безконечнаго въ своихъ благостяхъ, всегда готоваго отверсти родительскія объятія искренному раскаянію. Госпожа Соваль его слушала со вниманіемъ, въ восхищеніи цѣловала Распятіе, и его отталкивала, крича: не возможно, чтобъ Онъ меня простилъ! Я слышу свое осужденіе, въ ушахъ моихъ отзывающееся: я зрю ровъ отверстый, ... которой меня поглощаетъ. . . Меня влекутъ... влекутъ меня... Куда мнѣ скрыться? куде побѣжать?

Сія злополучная женщина, блѣднѣя дрожитъ, колеблется, не составляя ужѐ ничего въ свѣтѣ, какъ собраніе костей одушевленныхъ, кидается къ Юліи. Въ мгновеніе принята соболѣзнованіемъ, забывъ омерзѣніе къ нищетѣ противной, не встрѣчая какъ

несчастіе глазами вЪ виновницѢ своего паденія! Юлія подаетЪ ей рýки, орошаетЪ своими слезами. Не видишь ли ты не видишь ли ты, кричала изпуганная во ужасѢ госпожа Соваль? — Войди, вЪ разумЪ, сударыня, узнай меня: вѢрьте, что я чувствую ваши страданія, что я все на свѢтѢ сдѢлаю ко услажденію онаго. — АхЪ! ето ты, сударыня, ты, которую я хотѢла погубить сЪ собою! Я виновница всѢмЪ твоимЪ заблужденіямЪ! БогЪ, стремится кЪ моей кáзни... Навсегда.. Государь мой [Домалю] я открываюсь здѢсь, что я одна преступница, что я все употребила кЪ истребленію добродѢтельныхЪ чувствЪ вашей сестрицы, кЪ похищенію ея у фамилій, противЪ чéсти, закона, ... котораго я нынѢ чувствую всю силу. — ПерестанемЪ говорить о нашихЪ преступленіяхЪ, прерываетЪ Юлія вЪ слезахЪ, не будемЪ имѢть инаго попеченія, какЪ о умоленіи небеснаго гнѢва. Естьли бЪ я была

ла толь добродѣтельна, какъ ты говоришь, ябъ не сошла никогда съ дороги, начертанной безпорочными моими родителями, ябъ никогда не сдѣлалась твоимъ товарищемъ. Я дѣлила всѣ великости твоихъ преступленій: такъ должна дѣлить и наказаніе. . О! Боже мой [кинувшись съ поспѣшностью на колѣни]: я молю Тебя о общемъ насъ обѣихъ прощеніи; мы Тебя прогнѣвали: удостой вниманія нашъ вопль, чтобъ онъ достигъ до Тебя; соедините свое моленіе, сударыня, съ моимъ, небо, сжалится надъ нами; оное обезоружится нашими угрызеніями.

Священникъ и Домаль отъ удивленія недвижимы были. Въ самомъ дѣлѣ ето было зрѣлище, достойное чувствительности и привязанности, что молодой человѣкъ, которой вошедши въ раскаяніе, омытый своими слезами, прибѣгъ къ небесамъ съ духомъ освященія, толь мало извѣстнымъ душамъ свѣтскимъ.

домаль хотѣлъ поднять свою сестру. — Нѣтъ, мой братъ, я недовольно еще слезами смочила землю, не должна ль была бы я имѣть силы къ сопротивленію, къ борбѣ къ препятствованію самой сей несчастливой въ стремленіи къ точной своей погибели? Я то должна была удерживать ея слабость. Твоя сестра, дочь господина Гурвиля, сотворена была для примѣру и для возвращенія къ добродѣтели тѣхъ, которыя оную оставить хотятъ.

Госпожа Соваль опять впадаетъ въ ужасъ; черты странной смерти ужè начертаны были на ея лицѣ; ея движенія умножались; вздымались волосы, и кричала: спасайте меня! спасайте меня! Священникъ кропитъ ея святою водою. — Я горю . . . Пламя меня пожираетъ . . . О! Боже мой! ты меня осудилъ . . . я паду . . . я свергаюсь въ бездну . . . Помогите мнѣ?

Наконецъ испускаетъ духъ въ ужасномъ воѣ и плачѣ, являет-

ся страшнымЪ предметомЪ. Во страхѢ Юлія и Домаль, бѢгутЪ отЪ сего противнаго зрѢлища.

О! Боже, вскричалЪ Домаль! какой конецЪ преступникамЪ! Слабость, страхЪ, отчаяніе окружаетЪ послѢднія ихЪ минуты! Колико разнствуетЪ отЪ добродѢтели успокоенной, всегда вЪ себѢ надеждной, которая отдаетЪ безЪ сопротивленія душу и безмятежно, яко залогЪ, ей врученной отЪ неба! Сего-то опыта, любезная сестра [ты была свидѢтельницею] Ожидать надлежитЪ отЪ сихЪ счастливыхЪ обѢщаній, которыми насЪ прельщаетЪ счастіе, и которыя часто возбуждаютЪ наши желанія. Какое существо благоразсудное пожелало бы пятдесятЪ лѢтЪ жизнь вЪ утѢхахЪ, вЪ изобиліи препроводить? котораябЪ окончалась ужаснымЪ мгновеніемЪ смерти, подобной сей! И когдабЪ не было порочнымЪ иной казни, какЪ вѢчно смятеніе, слѢдующее имЪ, ктобЪ не пред-

почелъ ихъ состоянію спокойство, совѣсти въ добродѣтельной нищетѣ.

Они приходятъ въ жилище господина Гурвиля. Домаль входитъ напередъ. Ну! сказалъ разслабленной старикъ, любезный сынъ, нашелъ ли ты ту несчастную сестру свою? . которая меня умерщвляетъ? . . . Вотъ [вскричала Юлія, подбѣжавъ съ великою торопливостью къ его ложѣ] Вотъ дочь! недостойная своихъ родителей, недостойная жизни, которая пришла испустить свой духъ у вашихъ ногъ . . . Дочь моя, сказалъ старикъ, подавая ей руки, Дочь моя! . . . ты причиною моей смерти! Какъ! . . ето ты? . . . Такъ, ето я, родитель мой, которая могла забыть отъ кого рождена! которая нынѣ пришла въ память, и которая будетъ стремиться къ загладенію своихъ преступленій всѣми силами. Я согрѣшила противъ своего роду, чести, естества и неба: я пришла васъ видѣть, къ

вамъ

вамЪ припасть и сказать, что не исходили никогда изЪ моего се́рдца ни вы, ни несчастливая моя мать; я сокроюся отЪ людей, отЪ солнечнаго свѣта, отЪ самой себя, естьлибЪ могла. ТакЪ, я рѣшилась, я бѣгу вЪ монастырь подчинить себя вЪ состоянiе смиреннѣйшее, и умереть, испрашивая вѣчнаго прощенiя у Бога и у васЪ. . . Родитель мой, не возбраняй мнѣ? чтобЪ я испустила духЪ сЪ симЪ утѣшенiемЪ . . . При семЪ обмываетЪ она ру́ки господина Гурвиля своими слезами. Дочь моя . . . Я вижу тебя плачущую . . . Не ужѐли буду я неумолимѣе Бога? ОнЪ насЪ научаетЪ давать прощенiе. Искренное ли твое раскаянiе? АхЪ! батюшка, я не могу сносить иго моихЪ угрызенiй, колико я несчастлива! самая смерть не можетЪ загладить моей распустной жизни. Я то знаю; но есть ли я умру сЪ именемЪ вашей дочери? ГосподинЪ Гурвиль обЪемлетЪ Юлiю, плачетЪ купно сЪ

нею,

нею, и стѣсняетъ въ своихъ объятіяхъ. Ты мнѣ возвращена! тебѣ то должно принять послѣдней мой вздохъ . . . Нѣтъ, родитель мой! нѣтъ, вы не окончите жизнь, вы будете жить, чтобъ слышать, что я всегда васъ любила, по крайней мѣрѣ, что умерла, заслуживъ опять имя вашей дочери.

Печаль и радость произвели равное дѣйствіе, опаснѣйшее состоянію господина Гурвиля. Юлія не оставляла ложа его, старикъ чувствуетъ конецъ приближающейся. Вы плачете, мои дѣти! не должны ли мы отдать жизнь тому, отъ котораго оную получили? Я умираю довольнымъ, потому, что моя любезная Юлія открыла свои глаза̀, зря свои заблужденія. Дочь моя, познай всю цѣну добродѣтели. Нѣтъ утѣхъ пріятнѣе сихъ мнѣ ею приносимыхъ; ты испытаешь, ты увидишь, что всѣ прелести міра, не сто́ятъ того счастія, чтобъ быть довольнымъ самимъ собой, и

единъ

единЪ БогЪ, которой снабжаетЪ насЪ симЪ счастіемЪ . . . О! Боже мой: продолжалЪ господинЪ Гурвиль, дражайшій мой благЪ Податель, не оставь ея, удостой покровительствомЪ моихЪ дѢтей, дабы они сыскали вЪ ТебѢ свою подпору. Я обращаюсь кЪ Твоему милосердію. Прости мнѢ мои заблужденія, Боже! я ожидаю всего отЪ Твоей благости.

Время отЪ времени господинЪ Гурвиль, обЪемля Юлію и Домаля, стѢснялЪ кЪ своему сердцу боль... ; онЪ возвелЪ глаза на небо, никогда онЪ не былЪ умильнѢе, и не имѢлЪ взора веселѢе; онЪ самЪ утѢшалЪ, и увѢщевалЪ окружающихЪ его, онЪ принималЪ подкрѢпленія отЪ духовныхЪ, сЪ такимЪ усердіемЪ, какое исходитЪ изЪ души, добродѢтелью и закономЪ питаемой, и благословя своихЪ дѢтей, испустилЪ духЪ вЪ ихЪ обЪятіяхЪ, подобно какЪ повергся вЪ лоно покоя. Его душевная чистота, житія невинность, казались еще дышущими на его лицѢ.

Домаль былЪ неутѣшимЪ; а отчаяніе Юліи было не изражаемое, безЪ причины обвиняла она себя вЪ ускореніи конца своего родителя, вЪ самомЪ дѣлѣ печаль не мало споспѣшествовала его смерти. СЪ нуждой могла она исполнить свой долгЪ, спѣша противЪ воли своего брата, уединиться вЪ монастырь, гдѣ выбрала строгій образЪ житія того правила, по которому спать должно вЪ гробѣ: она облеклась вЪ самое толстое рубище; опредѣлилась во услуженія наиподлѣйшее живши однимЪ хлѣбомЪ и водою, а больше слезами, всегда предЪ олтаремЪ, По исправленіи труднѣйшихЪ должностей, Домаль часто кЪ ней приходилЪ: она ему признавалась, что никогда не была толь счастлива, какЪ тогда, что утѣхи міра несравнительны сЪ симЪ внутреннимЪ веселіемЪ, которымЪ упоевается душа, проницаемая БогомЪ. Любезной братЪ, говорила она ему: повѣришь ли ты, что я сплю сЪ боль-

шимЪ

шимЪ удовольствіемЪ вЪ своемЪ гробѢ, нежели на постеляхЪ нѢгой, мнѢ прежде пріуготовляемыхЪ? ЗдѢсь - то я наполняюся образомЪ утѢшенія Божія, которой удостоилЪ меня опять кЪ себѢ призвать. Я была слѢдуя свѢту, гонимая упреками, тайное и невидимое возмущеніе напоило ядомЪ мои увеселенія; моя душа безпрестанно кидалась кЪ предметамЪ могущимЪ утвердить и усмирить ея безпокойство. ЗдѢсь я начинаю и оканчиваю день вЪ наслажденіи тишины, которое служитЪ мнѢ предчувствованіемЪ вышняго блаженства: всѢ дни глазамЪ моимЪ пріятны, и возвышаютЪ меня кЪ понятію жилища небеснаго; я уповаю, что мои слезы, мое вѢчное раскаяніе, наградятЪ мой безпорядки прошедшіе. Но увы! должноль было быть жертвою сего моему родителю? Я горю кЪ соединенію сЪ нимЪ, конечно небо его наградило за его добродѢтели, за его состраданіе, за его великодушное прощеніе, которое онЪ мнѢ даровалЪ. Юлія

Юлія удивительнѣе была тѣмъ въ своемъ раскаяніи, что при сей чрезвычайной строгости къ самой себѣ, была къ другимъ пріятна и снисходительна: не было видно въ ней гордости, которая часто привязывается къ добродѣтели, и портитъ ея преимущества и непорочность. По дватцати пятилѣтнемъ примѣрномъ такомъ житіи, говорятъ, что вспоминала о своихъ преступленіяхъ: наконецъ сомнѣваясь безпрестанно о своихъ силахъ, не смѣя никогда думать быть достойною благости Всевышняго существа, она умерла на пеплѣ, прося оное объ отпущеніи своихъ согрѣшеній и о сохраненіи жизни ея брата.

КОНЕЦЪ.

